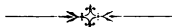

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

Основаны барономъ **В. Р. Розеномъ.**

ТОМЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ.
1907 — 1908.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТАБЛИЦЪ И ОДНОГО ПОРТРЕТА).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1908.

тахъ. Для занятій въ бібліотекахъ при константинопольскихъ мечетяхъ требовалось разрѣшеніе турецкаго министерства народнаго просвѣщенія; благодаря любезности моего бывшаго слушателя В. М. Писарева, драгомана при Россійской Императорской миссіи, побѣдившаго вмѣстѣ со мной въ министерство, я не болѣе какъ черезъ полчаса послѣ прибытія въ это учрежденіе имѣлъ въ рукахъ необходимый документъ. Какъ въ этомъ случаѣ, такъ и при побѣдкахъ по городу и его окрестностямъ мнѣ принесли существенную пользу указанія членовъ русскаго археологическаго института, особенно секретаря Р. Х. Ленера. Всѣмъ ориенталистамъ, работавшимъ въ Каирѣ, хорошо извѣстно, съ какой быстротой и готовностью въ бібліотекѣ хедива, благодаря ея директору д-ру Б. Морицу, удовлетворяются всѣ просьбы ученыхъ.

В. Бартольдъ.

Февраль 1908 г.

Надписи на порталѣ мечети въ Мешед-и-Мисрианъ¹⁾.

Подъ именемъ «Мешед-и-Мисрианъ» (по персидскому произношенію) или «Мешед-и-Местеріанъ» (а также «Мест-Дебранъ», «Мест-Доврантъ» и «Месторіанъ» по произношенію туркменъ) извѣстны развалины большого города, находящіяся въ Чикишлярскомъ приставствѣ Красноводскаго уѣзда, Закаспійской области. Онѣ лежатъ въ безводной и потому совершенно безплодной мѣстности, на пути отъ укрѣпленія Чатлы къ караванной дорогѣ, ведущей отъ Чикишляра къ ст. «Айдинъ», Средне-Азіатской желѣзной дороги.

Окружающая эти развалины мѣстность донинѣ сохранила слѣды былой культуры: съверо-западнѣ лежатъ развалины крѣпостей: Кызганчі и Гечи-Каласы, на югъ и вокругъ погибшаго города — остатки грандіозныхъ ирригаціонныхъ сооружений²⁾.

Литература мало удѣляла вниманія этимъ, во всякомъ случаѣ въ вы-

1) Статья въ корректурѣ была просмотрѣна В. А. Жуковскимъ, которому принадлежатъ примѣчанія, отиѣченныя инициалами В. Ж.

2) Бывшій топографъ штаба 2-го Туркестанскаго армейскаго корпуса, капитанъ Г. Д. Лукинъ, показывалъ намъ составленный имъ подробный планъ оросительной системы Мешед-и-Мисрианъ. Главною особенностью въ этой системѣ, судя по этому плану, являлся искусственно отведенный къ городу рукавъ р. Атрека, изъ котораго питались водою многочисленные арыки и кяризы. Ближайшее же разстояніе отъ развалинъ до р. Атрека не менѣе пятидесяти верстъ.

сокой степени интереснымъ, развалинамъ¹⁾, да и эти не особенно щедрыя описанія Мешед-и-Мисрианъ лишены того, что составляетъ душу каждаго изложенія, т. е. рисунковъ.

Настоящіе фотографическіе снимки съ наиболѣе интересныхъ развалинь Мешед-и-Мисрианъ были сдѣланы и любезно подарены пишущему это Б. Н. Кастальскимъ²⁾. Послѣдній посѣтилъ эти развалины въ іюль 1902 года и произвелъ при этомъ весьма цѣнные съемочныя работы, опредѣляющія какъ расположеніе города и его цитадели, такъ и характеръ сооруженій послѣдней. Кромѣ того, Б. Н. Кастальскимъ было собрано на мѣстѣ развалинь нѣсколько черепковъ глиняной и фаянсовой посуды весьма совершенной работы съ прекрасно сдѣланными надписями.

Отъ былого величія погибшаго города, какъ то можно судить по при-

1) Насколько намъ извѣстно, существуютъ слѣдующія описанія этихъ развалинь:

Ломакинъ, генералъ. Осмотръ развалинь древняго города Мешедъ-и-Местеріанъ. (Изв. Кавказскаго Отд. Имп. Р. Географ. Общ. Т. 4, № 1, стр. 15—17).

— Открытіе развалинь древняго города Мешед-Местеріанъ, въ южной Туркменіи. (Газ. «Кавказъ», 1875 года, № 135).

Die Ruinen der alten Städte Meshed und Mesterian. Von Albin Kohn. («Globus», 1876, № 71).

Die Ruinen der Stadt Mestorjan in der Turkomanen-Steppe. Ins Deutsche übersetzt von General Lieutenant von Blaramburg. (Petermann's Geogr. Mittheilungen, 1876, Bnd. 22, № 1).

[Къ этому можно добавить:

Поручикъ Щетикинъ. Развалины древнихъ городовъ въ Средней Азій. Местъ-Дювранъ. Укрѣпленіе Ташъ-Арватъ-Кала. Всемирная Иллюстрація 1876, № 374, стр. 183. (Къ описанію приложено на стр. 188 *семь рисунковъ*. Щетикинъ находился въ отрядѣ ген. Ломакина).

А. В. Комаровъ въ засѣданіи Восточнаго Отдѣленія Археологическаго Общества 25 февраля 1888 года, сообщая о древностяхъ Закаспійской Области, подробно говорилъ о развалинахъ Масть-Джуранъ, иллюстрируя сообщеніе прекрасными фотографіями. Подробный отчетъ объ этомъ сообщеніи подъ заглавіемъ «Закаспійская Область въ археологическомъ отношеніи» былъ напечатанъ въ газетѣ «Повости» 1888 г. № 62 и 65 (= Туркестанскія Вѣдомости 1888 г. № 24, 25; нѣмецкій переводъ въ Petermann's Mittheil. 1889, VII, 158—163). В. Ж.].

Кромѣ того описаніе развалинь Мешед-и-Мисрианъ имѣется у:

Conolly, A. Journey to the North of India, overland from England through Russia, Persia and Afganistan. Lond. 1838, vol. I, p. 76—77.

Кюшинъ, А. М. Разъясненіе вопроса о древнемъ теченіи Аму-Дарьи. (Зап. Имп. Русск. Географ. Общ. по общей географіи, т. XXXIII, № 1, стр. 152—153; съ приложеніемъ плана городища).

Бартольдъ, В. Историко-географическій обзоръ Ирана. СПб. 1903, стр. 82.

Валбери, А. Путешествіе по Средней Азій. Перев. съ англійскаго. СПб. 1865, стр. 53. [Reise in Mittelasien, Leipz. 1865, p. 83. В. Ж.].

2) Нынѣ начальникъ Самаркандской инженерной дистанціи.

лагаемымъ при семь фотографіямъ¹⁾, сохранилось въ сущности немного, да и это немногое сильно изуродовано и временемъ, и людьми. Тѣмъ не менѣе эти руины все же имѣютъ нѣчто, проливающее нѣкоторый свѣтъ на далекое прошлое этихъ сравнительно мало извѣстныхъ развалинъ. Это «нѣчто»—остатки надписей. Намъ удалось пока дешифрировать надписи на остаткахъ портала соборной мечети. Вверху надъ серединою портала сохранилось

..... بنى هذا الطاق (ق)

т. е. «построилъ эту арку».... Вдоль обѣихъ сторонъ портала шелъ весьма изящный орнаментъ, между рядами котораго находилось по полосѣ куфическихъ буквъ; послѣднія своимъ начертаніемъ строго гармонировали съ обрамлявшимъ ихъ орнаментомъ, причемъ концы начальныхъ и конечныхъ буквъ составляютъ какъ бы продолженіе находящагося надъ ними крестообразнаго орнамента. Начинаясь вмѣстѣ съ орнаментомъ, надписи, какъ то можно судить по фотографіямъ, загибались затѣмъ вверху подъ острымъ угломъ и шли параллельно вдоль паранета портала.

Надпись на правой сторонѣ,—если стать лицомъ къ portalу, — читается:

بسم الله يا ايها الذين امنوا اذا نودى للصلاة من يوم الجمعة
فاسعوا الى ذكر الله وذرو البيع ذلكم²

Это кораническій стихъ (девятый изъ 62-й суры), сохранившійся здѣсь не полностью, въ переводѣ означаетъ:

«Во имя Бога. О вы, вѣрующіе, когда позовутъ на молитву въ день собранія, спѣшите къ словословію Бога, оставивъ куплю. И это»...

На лѣвой сторонѣ сохранилось:

.... علاء الدنيا والدين غياث الاسلام والمسلمين ظل الله في
العالمين سلطان (sic) محمد ابن السلطان نكش برهان امير المؤمنين

т. е. «величіе міра и вѣры, защита ислама и правовѣрныхъ, тѣнь Бога въ мірахъ, султанъ Мухаммедъ, сынъ султана Текеша, аргументъ (въ рукахъ) повелителя правовѣрныхъ»³⁾.

1) Въ редакцію «Зап. Вост. Отд.» было доставлено, вмѣстѣ со статьей, семь фотографическихъ снимковъ. По недостатку денежныхъ средствъ, редакція была вынуждена ограничиться помѣщеніемъ только одного изъ нихъ, гдѣ изображены башни портала съ надписью, въ которой упоминается имя султана.

2) Не достагъ خير لكم ان كنتم تعلمون (лучшее для васъ, если бы вы знали).

3) Эта надпись, повидимому, представляетъ продолженіе надписи, бывшей надъ аркою портала... بنى هذا الطاق.

Эта строка, слѣдовательно, заключала «тарихъ», или дату, обозначающую, когда и кѣмъ было построено зданіе. Султанъ Мухаммедъ, сынъ султана Текеша, тотъ злополучный харезмъ-шахъ († 1220 г. по Р. Х.), обширное и цвѣтущее государство котораго было разрушено монголами Чингиза. Упоминаемъ же здѣсь «повелителемъ правовѣрныхъ», въ такомъ случаѣ, является аббасидскій халифъ Насиръ, за котораго, не смотря на извѣстную вражду его къ султану Мухаммеду, все же всюду въ Трансоксаніи и Хорасанѣ молились какъ за «владыку правовѣрныхъ», духовнаго главу тогдашняго исламскаго міра.

Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ развалинъ мечети стоятъ двѣ высокія башни, скорѣе всего минареты. На вершины ихъ ведутъ лѣстницы. Обѣ онѣ сильно пострадали и неизвѣстно отъ чего больше: отъ времени ли, или отъ рукъ человѣческихъ. Верхъ обѣихъ башенъ окаймлялся широкой лентой весьма извѣстной орнаментаціи, основнымъ мотивомъ которой является всѣмъ извѣстная *свастика*. Кромѣ того, на одной изъ башенъ сохранились арабскія надписи, окаймлявшія ее снизу, по срединѣ и на верху. Нижняя и верхняя каймы этихъ надписей почти совсѣмъ уничтожены; сохранилась лишь средняя, которая читается такъ:

بِسْمِ اللَّهِ الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ بَرَكَهٖ مِنَ اللَّهِ مِمَّا أَمَرَ بِهِ أَبُو جَعْفَرٍ
أَحْمَدُ بْنُ أَبِي الْأَعْرَجِ صَاحِبِ الرِّبَاطِ اعَزَّهُ اللَّهُ عَمَلٌ عَلَى رَأْيِ (?)

т. е. Во имя Бога милостиваго и милосерднаго, — благословіе отъ Бога. Эту (постройку) приказалъ (воздвигнуть) Абу-Джа'фар-Ахмедъ, сынъ Абул-Аггарра, владѣтель сего пограничнаго укрѣпленія¹⁾, да возвеличить его Богъ. *Работалъ Аліи . . . (?)*²⁾.

Масса черепковъ битой посуды и кирпичей, валяющихся подлѣ всѣхъ этихъ развалинъ, при полной безотрадности и запустѣніи окружающей мѣстности, невольно вызываютъ въ памяти латинское изреченіе: *sic transit gloria mundi*.

А. Семеновъ.

1) [О такомъ значеніи термина «рабать» (собств. «рибать») см. слова Сам'ани (В. Бартольдъ, Туркестанъ въ эпоху монгольскаго нашествія, ч. I, стр. 57). Ред.]

2) [Надписи эти изданы въ Протоколахъ Засѣданій Туркестанскаго Клуба Любителей Археологій (годъ одиннадцатый), въ засѣданіи котораго 20 Окт. 1906 г. А. А. Семеновъ сдѣлалъ докладъ о развалинахъ Мешеди-Мисрианъ, стр. 26. В. Ж.]

Табл. IV.

Г. Г. ГАРНАВ. Р. ДЖУДЖУ.
№ 8. Иллюстрация 22

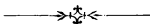
ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

Основаны барономъ **В. Р. Розеномъ.**

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ.

1913 — 1914.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ДВУХЪ ТАБЛИЦЪ И СЪ ДВУМИ РИСУНКАМИ ВЪ ТЕКСТѢ).

ПЕТРОГРАДЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

Вос. Остр., 9 лин., № 12.

1915.

Шейхъ Джелâл-уд-Дîн-Рûмî по представлëнïямъ шугнанскихъ исмаилитовъ¹⁾).

Столь знаменитый на мусульманскомъ Востокъ «Соловей созерцательной жизни», шейхъ Джелâл-уд-Дîн-Рûмî, пользуется одинаковой популярностью, какъ среди правовѣрныхъ послѣдователей сунны и схизматиковъ-шиитовъ, такъ и у послѣдователей одного изъ еретическихъ толковъ ислама, восточнаго исмаилизма, пасажденнаго «пиромъ Кухистана», Насыр-и-Хосровомъ, среди пранскихъ народностей сѣверныхъ склоновъ Гиндукуша. При этомъ характерно то обстоятельство, что восточные исмаилиты (вѣрнѣе, шугнанскïе, ибо здѣсь идетъ рѣчь только о нихъ) выдвигаютъ *свою* биографïю Джелâл-уд-Дîн-Рûмî, мало похожую на общепризнаваемую, при чемъ самымъ любопытнымъ эпизодомъ въ ней является встрѣча шейха съ извѣстнымъ Шемс'омъ Тавризскимъ, излагаемая съ особымъ специфически-исмаилитскимъ отгѣнкомъ.

Общезвѣстная биографïя шейха Джелâл-уд-Дîна, приводимая въ различныхъ сочиненïяхъ о немъ мусульманскаго Востока, сводится къ слѣдующему.

Его отецъ, шейхъ Бехâ-уд-Дîн-Мухаммед-бен-Хусейн-бен-Ахмед-ул-Хатгîбîй-ул-Балхî, носившïй также прозвище «Веледъ» (ولر), велъ свой родъ отъ халифа Абу-Бекра и потому назывался также Бекрî (البكرى). По своей матери онъ былъ въ родствѣ съ харезмшахами, ибо мать его была дочерью султана 'Алâ-уд-Дîн-Мухаммеда²⁾.

1) Статья, съ согласïя автора, проредактирована для печати В. В. Бартольдомъ, которому принадлежатъ заключенныя въ квадратныя скобки [] примѣчанïя.

2) См. *نجات الانسى من حضرت القدس* 'Абд-ур-Рахмâна Джâми. Калькутта. 1858 (подъ ред. W. Nassau Lees'a), стр. 529, и принадлежащïй мнѣ списокъ того же труда, сдѣланный въ 1273/1856 г. рукою извѣстнаго ташкентскаго суфïя муллы Мирзы, сына Бâба-Джâн-Бая, съ многочисленными пояснительными примѣчанïями на поляхъ, листъ 301. [*نجات الانسى*], константинопольское литогр. изд. 1289 г., стр. 298. Ср. также биографïю Джелâл-уд-Дîна въ *Grundriss der iran. Phil.* II, 287. Въ *نجات* 'Алâ-уд-Дîн-Мухаммеда названъ «сыномъ харезмшаха», какъ называетъ себя на монетахъ уже отецъ Мухаммеда Текешъ, при которомъ династïя харезмшаховъ сдѣлалась независимой, и титулъ харезмшаха былъ замѣненъ болѣе высокимъ титуломъ султана].

Джелал-уд-Дйна, Бурхан-уд-Динъ скончался въ томъ Румѣ¹⁾, гдѣ нашеть себѣ второе отечество его геніальный духовный сынъ.

Не смотря на свою славу и почетъ въ родномъ Балхѣ, Бехâ-уд-Динъ-Веледъ вынужденъ былъ его покинуть по слѣдующему случаю. Однажды его высокой мюридъ, султанъ Джелал-уд-Динъ, пришелъ къ нему съ своимъ наставникомъ, имамомъ Фахр-уд-Динъ-Рâзî²⁾, послушать его поученія. Въ срединѣ своего слова Бехâ-уд-Динъ сталъ обличать ученіе греческихъ философовъ и, между прочимъ, сказалъ: «всѣ небесныя книги нынѣ забросилъ изучать, а устремился на изученіе философскихъ сочиненій. На какое же спасеніе надѣются (благодаря этому)?» Имамъ Фахр-уд-Динъ принялъ это на свой счетъ³⁾ и рѣшилъ внушить султану Джелал-уд-Дину, что Бехâ-уд-Динъ колеблетъ въ народѣ вѣру въ него, по долго не смѣлъ подходящаго случая убѣдить въ этомъ султана.

Однажды послѣдній вмѣстѣ съ Фахр-уд-Диномъ посѣтилъ Бехâ-уд-Дйна и увидѣлъ его окруженнаго множествомъ людей, которыхъ онъ поучалъ. Обратясь къ Фахр-уд-Дину, султанъ замѣтилъ: «какое множество людей собралось!». Воспользовавшись этимъ, Фахр-уд-Динъ сказалъ: «если не принять мѣръ къ предотвращенію подобныхъ сборищъ, то я боюсь, какъ бы не рушились устои государства».

1) Въ 645/1247 г. и похороненъ въ Кайсаріи (см. Oriental Biograph. Dictionary, by Th. W. Veal. New. ed. rev. and enl. by H. G. Keene. Lond. 1894; p. 112). Почему именно Бурхан-уд-Динъ не покидалъ до самой своей смерти Джелал-уд-Динъ-Румî, существуетъ слѣдующій разсказъ, приводимый въ цитируемой рукописи (о ней см. ниже), изъ которой нами черпаются настоящія біографическія данныя. Когда умиралъ отецъ Джелал-уд-Дйна, Бехâ-уд-Динъ, Сейидъ Бурхан-уд-Динъ былъ въ это время въ далекомъ Термезѣ. Когда онъ получилъ извѣстіе о смерти своего учителя, то въ горести сѣлъ на кучѣ золы и «въ теченіе цѣлаго года таялъ, какъ свѣча, въ разлукѣ съ нимъ» (وَمَدَّتْ يَكُ سَالَ تَمَامَ دَرْفَرَاقِ). Однажды ночью ему приснился Бехâ-уд-Динъ, который съ чрезвычайнымъ гнѣвомъ замѣтилъ ему (از سر خدّت تمام میفرمود): «Бурхан-уд-Динъ, почему ты оставилъ Мухаммеда одного и дѣлаешь упущеніе въ обереганіи его?». Въ испугѣ проснулся Бурхан-уд-Динъ и поспѣшилъ въ Конію къ Джелал-уд-Дину. [Въ петербургской рукописи здѣсь, повидимому, пропускъ, между л. 13 и 14]. Джамî въ النجات الانسî приводитъ въ коротенькой біографіи Сейидъ-Бурхан-уд-Дйна другой вариантъ того же разсказа. Въ тотъ день, когда отецъ Джелал-уд-Дйна умеръ, Бурхан-уд-Динъ, сидѣвшій въ Термезѣ въ обществѣ нѣсколькихъ человѣкъ, воскликнулъ: «Увы! учитель и духовный руководитель [шейхъ] мой ушелъ изъ этого міра!» И, спустя нѣсколько дней, онъ отправился изъ Термеза въ Конію для руководительства духовнымъ воспитаніемъ. [въ подлинникѣ: بتبرییتِ] Джелал-уд-Дйна. См. вышеназванное печатное изданіе النجات, стр. 529—530 и рук. листъ 302. [Констант. изд., стр. 298 и слѣд.].

2) Род. въ Реѣ 25-го рамадана 543 г. (7 февраля 1149), умеръ въ Гератѣ 1 шевваля 606 г. (29 марта 1210); славился, какъ выдающійся ученый. [Ср. перечисленіе его трудовъ у C Brockelmann, Geschichte der Arab. Litt., I, 506—508].

3) [По петербургской рукописи مناقب العارفين, л. 46, Бехâ-уд-Динъ постоянно и открыто обличалъ харезмшаха и его наставника Фахр-уд-Дйна Рâзî, какъ виновниковъ пошества (مبتدعان)]. Флаки относитъ эти событія къ 605 (1203-9) г.].

Подвергшись изгнаію, Бехá-уд-Дінъ покинул Балхъ съ своимп учепками и малолѣтнимъ сыномъ¹⁾ и сталъ переходить изъ одного города въ другой. Хотя его всюду встрѣчали съ большимъ почетомъ и уваженіемъ, по тѣмъ не менѣе онъ ни въ одномъ изъ городовъ Хорасана не остался на житье. Путешествуя такимъ образомъ, онъ дошелъ до Багдада²⁾. Здѣсь вскорѣ распространилась молва о его выдающихся качествахъ и даже чудесахъ и, какъ въ Балхѣ, къ нему стали стекаться сильныя и великія міра послушать его поученія и толкованіе шарі'ата. Слава Бехá-уд-Діна росла все больше и больше и, наконецъ, достигла до Рума, гдѣ тогда правилъ сельджукскій султанъ 'Ала-уд-Дін-Кейкубáдъ³⁾. Нѣкоторые изъ его царедворцевъ, будучи въ Багдадѣ, принесли султану извѣстіе о необыкновенной личности Бехá-уд-Діна. Заинтересованный ихъ разказами, султанъ сталъ думать о свиданіи съ этимъ замѣчательнымъ человѣкомъ. Тѣмъ временемъ Бехá-уд-Дінъ отправился изъ Багдада въ Хиджázъ, а оттуда—въ Сирію. Придя потомъ въ городъ Арзеджáнъ, онъ остановился въ дервишскомъ общежитіи (خانقاه), построенномъ Тáдж-и-Мелек-Хáтунъ, теткою по отцу султана 'Ала-уд-Діна. Здѣсь его просили было остаться, но онъ не согласился и, выйдя изъ Арзеджáна, пришелъ въ Акъ-Шехръ, гдѣ и провелъ зпму⁴⁾. Отсюда Бехá-уд-Дінъ направился въ Румъ⁵⁾. Узнавъ о его приближеніи, султанъ 'Ала-уд-Дінъ со своими приближенными поспѣшилъ къ

1) [По Эфляки, съ двумя сыновьями; Джелáл-уд-Діну было 5 лѣтъ, его брату 'Ала-уд-Діну Мухаммеду 7 лѣтъ. Отъѣздъ описывается у Эфляки съ большими подробностями, но весь разказъ объ изгнаніи носитъ явно-легендарный характеръ; между прочимъ, говорится, что шейхъ предсказалъ харезмшаху, что его царство будетъ уничтожено татарами, а самъ онъ погибнетъ отъ руки румскаго султана].

2) [Пребываніе Бехá-уд-Діна въ Багдадѣ также описывается у Эфляки очень подробно. Между прочимъ, говорится, что шейхъ еще не успѣлъ выѣхать изъ Багдада (въ Мекку), какъ пришло извѣстіе о взятіи Балха Чингизъ-ханомъ. Монгольское войско состояло изъ 500.000 человѣкъ; при осадѣ города погибъ сынъ Чингизъ-хана Тули-ханъ (!), за что городъ былъ разрушенъ до основанія. Дальше сказано, что Чингизъ-ханъ умеръ въ 614 г. (ошибка вмѣсто 624), что ему наследовалъ его сынъ اوكتاي, что въ Румѣ въ 616 г. вступилъ на престолъ султанъ 'Ала-уд-Дінъ Кейкубáдъ, что харезмшахъ Джелáл-уд-Дінъ, бѣжавшій отъ монголовъ, осадилъ городъ Ахлатъ; здѣсь противъ него выступилъ румскій султанъ вмѣстѣ съ Ашрафомъ сирійскимъ и нанесъ ему поражение; Джелáл-уд-Дінъ былъ взятъ въ плѣнъ и убитъ курдами. Изъ всѣхъ этихъ разказовъ ясно видно, что Эфляки соединяетъ въ одно лицо харезмшаха Джелáл-уд-Діна и его отца].

3) Сынъ Гіас-уд-Діна Кейхосрова, наследовавшій своему брату Кейкáусу (607/1211 г.—616/1219 г.) и правившій съ 616/1219—634/1237 г.

4) [Петербургская рукопись العارفین مناقبъ объ остановкѣ въ общежитіи не упоминаетъ; говорится, что для шейха была выстроена медресе въ Акъ-Шехрѣ, гдѣ онъ прожилъ четыре года].

5) [По петерб. рукописи (л. 7⁶) сначала въ городъ لارنده, въ окрестностяхъ Коніи, гдѣ для него была устроена медресе и гдѣ онъ прожилъ 7 лѣтъ или больше; здѣсь же за Джелáл-уд-Діна была выдана дочь شرف الدين لالای سمرقندی, отъ которой въ 623 г. родились ولد سلطان и علاء الدين].

нему на встрѣчу и съ большимъ почетомъ ввелъ его въ городъ (Конію), причемъ даже нѣкоторое время шелъ пѣшкомъ возлѣ ступени Бехъ-уд-Діна¹⁾.

Въ 628 (1230—1231) Бехъ-уд-Динъ скончался въ Коніи и тамъ же погребенъ. Его сынъ Джелал-уд-Динъ, продолжая итти проторенною дорогою созерцательной жизни, преуспѣвалъ въ суфизмѣ и въ изученіи наукъ внѣшнихъ и тайныхъ. Въ 642 г. въ Конію появился суфій Шемс-уд-Дин-Мухаммед-бен-‘Аліи-бен-Меликдэд-Тебризі, болѣе известный подъ своимъ обычнымъ прозвѣщемъ Шемс-и-Тебризі. Его духовными наставниками называютъ то одного, то другого, то, наконецъ, третьяго изъ шейховъ, но, повидимому, онъ былъ муромомъ каждаго изъ нихъ и у каждаго поучался въ стадіяхъ духовной жизни. Въ концѣ концовъ онъ сталъ странствующимъ дервишемъ; одѣтый въ черную кошму, онъ переходилъ съ одного мѣста на другое, всегда останавливаясь въ караванъ-сараяхъ. Такъ онъ добрался до Коніи, гдѣ и произошла его встрѣча съ Джелал-уд-Диномъ. Подробности ихъ перваго свиданія описываются въ различныхъ вариантахъ; одинъ изъ нихъ, имѣющій отношеніе къ нашей темѣ, слѣдующій.

Прибывъ въ Конію, Шемс-и-Тебризі посѣтилъ Джелал-уд-Діна въ то время, когда тотъ, окруженный своими учениками, сидѣлъ подлѣ бассейна съ водою и давалъ имъ урокъ. Подлѣ него лежало нѣсколько кипгъ. Дервишъ спросилъ Джелал-уд-Діна, что это за книги? — «Такъ, разные сочиненія. Какое тебѣ до нихъ дѣло?» (ابن را قبل وقال ميكويدن ترا با این چه كار)

1) Все это взято изъ принадлежащей мнѣ рукописи, писанной въ 1112/1700—1701 г. посредственнымъ, хотя и четкимъ, средне-азиатскимъ та'ликомъ типа «молазаи» (مقامات) листы 2—5, 50—51). Начало ея послѣ *بسم الله* сразу: *قسم اول واين مشتمل است بر دو فصل اول در اسناد وخرقه: وتلغين ذكر پدر و خداوندگار مولانا سلطان العلماء بهاء الدين ولد محمد حسين ابن احمد الخطيبي البغدادي.*

Судя по описаніямъ Ch. Rieu (Cat. of the Pers. Mss. in Brit. Mus. T. I Lond. 1879; pp. 344—345) и E. Blochet (Cat. des Mss. Pers. de la Bibl. Nat., T. I Paris 1905; pp. 264—265) списокъ труда *مناقب العارفين*, составленнаго Шемс-уд-Дин-Ахмедомъ Эфляк (افلاک) и заключающаго жизнеописаніе Джелал-уд-Діна, его отца, его учителей, друзей и послѣдователей, названная рукопись, повидимому, тождественна съ этими списками; разница, вѣроятно, лишь въ началѣ и въ распредѣленіи главъ, порядокъ которыхъ въ моей рукописи другой. Попутно слѣдуетъ замѣтить, что Blochet называетъ «термезскаго мистика» Бурхъ-уд-Діна — el-Tebrizi; возможно, что въ описываемомъ имъ списокѣ *مناقب العارفين* Национальной Библиотеки такъ и написано, однако несомнѣнно, что этотъ шейхъ былъ именно *الترمیزی*, какъ это значится у Rieu, въ моей рукописи и у всѣхъ известныхъ мнѣ восточныхъ авторовъ, писавшихъ о Джелал-уд-Динѣ. [Собственно *الترمندی*; такъ правильно у Rieu и въ петербургской рукописи].

Трудомъ *افلاک*, между прочимъ, пользовался англійскій ориенталистъ Редхаузъ (J. W. Redhouse) для своей книги «The Mesnevi of Jelalu-d-Din Muhammed-er-Rumi» изд. въ 1881 г. въ Лондонѣ (ч. I-ая). [Рукопись, не совсемъ полная (недостаетъ начала), есть и въ Петербургѣ, въ Имп. Публ. библиотекѣ—Ханыковъ въ 103 (Mél. Asiatiques V, 250); въ ней есть имя автора (احمد افلاک), дата составленія (718 г. х.); самый списокъ относится къ 1058=1648 г.].

отвѣчалъ тотъ (и, повидимому, съ пренебреженіемъ къ оборванцу). Шемс-и-Тебризіи взявъ ихъ и всё побросавъ въ воду. Увидѣвъ это, Джелал-уд-Динъ съ чрезвычайнымъ огорченіемъ воскликнулъ: «что ты сдѣлалъ, дервишъ? Нѣкоторыя изъ этихъ книгъ заключали сочиненія моего досточтимого родителя и снова достать ихъ невозможно!». Шемс-и-Тебризіи, видя волненіе Джелал-уд-Дина, опустилъ руку въ бассейнъ и повѣтаскалъ всё книги одну за другою, при чемъ всё опѣ оказались въ своемъ прежнемъ состояніи, т. е. вода не оставила на нихъ никакого слѣда. — «Въ чемъ же тайна сего?» спросилъ удивленный Джелал-уд-Динъ. — «Это есть «халь». Что ты знаешь о немъ?» отвѣтилъ Шемсъ (این حالت ترا از این چه خبر). Съ этого момента Джелал-уд-Динъ сталъ ревностнымъ послѣдователемъ послѣдняго¹⁾.

Такова наиболѣе существенная часть обычной, трактуемой обще-мусульманскими источниками, біографіи нашего шейха²⁾.

Иначе все это излагается у шугианскихъ исмаилитовъ, которые высоко почитаютъ какъ шейха Джелал-уд-Дина, такъ и Шемса Тавризскаго, считая и того, и другого своимъ. При чемъ, въ своихъ разсказахъ о Джелал-уд-Динѣ и его встрѣчѣ съ Шемс-и-Тебризіи одинаковы послѣдователи обоихъ исмаилитскихъ толковъ: «таратгубія» (ترتیبیه) и «раушанія» (روشنیه)³⁾.

1) См. نجات الانس. печатн. изд. стр. 535—539. [констант. изд., стр. 304] и рук. листы 306—308, и основанныя, въ большинствѣ, на этомъ трудѣ упоминанія въ خزینة الاصفیاء, состав. Гулям-Мухаммед-б. Муфти-Рахим-Ула-Курайш-Асад-ул-Хашиміи-ул-Лагори. Каунпуръ, 1312/1894; т. 2-ой, стр. 268—270; سفینة الاولیاء, сост. Мухаммед-Дар-Шекухъ (братъ «великаго могола» Ауренгзебъ). Каунпуръ, 1301/1884 г.; стр. 179; حبيب السیر خاندмира. Тегеранъ, 1271/1854—1855; 3-й т., стр. 40; حذیقۃ الاقاب, сост. Муртаза-Хусейнъ по прованію Алла-Яр-Османи-Бельграми. Лукновъ, 1296/1879; стр. 308—309; هفت اقلیہ, сост. Амин-Ахмед-Рази. Рук. Турк. Пуб. Библ. по кат. Е. Каля подъ № 49, листы 198—199; تذکرۃ الشعراء دولت Шаха Самаркандскаго, Бомбей, 1318/1901 г., стр. 55—59 [изд. Броуна, стр. 192—201]; آثر انتشار کده آذر, مفتاح التواریح, стр. 64; مجالس العشاق Султанъ-Хусейна, с. Султанъ-Мансура, сына Байкары, с. 'Омаръ-Шейха, с. Тимура. Каунпуръ. 1314/1897 г., стр. 106—110 и 117—119; دیوان حضرت شمس تبریزی, Каунпуръ. 1326/1908 г., стр. 433—435; مجالس المومنین, тегер. литогр. изд. 1268 г., л. 142^a и слѣд. Европейская литература о шейхѣ Джелал-уд-Динѣ указана въ его біографіи, помѣщенной въ недавно-законченномъ первомъ томѣ «Enzyklopaedie des Islam», стр. 1048—1049.

2) [Годъ смерти Джелал-уд-Дина — 672=1273].

3) Въ дополненіе къ тому, что мною говорилось вообще о вѣрованіяхъ шугианскихъ исмаилитовъ («Изъ обл. религ. вѣров. шугианскихъ исмаилитовъ», «Міръ Ислама» за 1912 г., стр. 523—561), позволю себѣ привести здѣсь въ оригиналъ, по-персидски, объясненіе разницъ этихъ толковъ. Это объясненіе было написано для меня, съ разрѣшенія одного изъ пировъ, изыщнымъ наста'ликомъ и доставлено съ Намировъ; оно гласитъ слѣдующее (сохраняю правописаніе подлинника): ذکر در فرق میان اسماعیلی که بعضی خود را اهل ترتیب وبعضی اهل وحدت میگویند و روشنی هم میگویند و لهذا این لقب روشنی از کتاب نیست مگر در کلام معجز نظام جعفر صادق این اشاره است چون بحث شود میان مردم اسماعیلی در آن وقت تلفظ میگویند مثلا میگویند که راه روشن و راست این است که ما گرفته ایم بدان سبب خود را نام روشنیان می نامند و فرق در میان این

разсказчика¹⁾. Совершенно случайно, что называется, «краемъ уха», Джелал-уд-Динъ услышалъ нѣсколько фразъ, сказанныхъ Шемс-и-Тебризіи относительно исмаилизма и очень заинтересовался этимъ ученіемъ. Выбравъ удобное время, Джелал-уд-Динъ пришелъ къ Шемс-и-Тебризіи и сталъ просить его, чтобы тотъ принялъ его въ число своихъ учениковъ и ознакомилъ съ сущностью исмаилизма. Выслушавъ эту просьбу Шемс-и-Тебризіи сказалъ:

«Между мною и тобою не можетъ быть одинаковости (вафдат), какъ между Хызромъ и Моисеемъ²⁾, тѣмъ болѣе, что я не имѣю полномочія сдѣлать тебя, человѣка чуждаго мнѣ міросозерцанія, прозелитомъ исповѣдующаго мною ученія.

1) На причастность къ исмаилизму Шемса, между прочимъ, указываетъ Довлет-Шахъ Самаркандскій, сообщая о его происхожденіи въ своей تذكرة الشعراءъ наиболѣе интересные свѣдѣнія. Онъ говоритъ, что Шемсъ былъ сыномъ потомка «великихъ царей» Персіи, 'Ала-уд-Діна, который, — по вышеназванному бомб. изданію تذكرة الشعراءъ (стр. 87) — былъ «исмаилитскимъ руководителемъ» (دليل اسماعيليان) а въ измѣоженіи у меня позднѣйшемъ превосходномъ спискѣ تذكرة الشعراءъ, сдѣланномъ для покойнаго ориенталиста Вюшмана п'а (стр. 191), 'Ала-уд-Динъ вполне опредѣленно названъ исмаилитскимъ да' и или миссіонеромъ (داعی اسماعيلیه). Потомъ онъ отрекъся отъ вѣры своихъ отцовъ, сжегъ всѣ свои еретическія книги и обратился, будто бы, въ проповѣдника ислама «въ замкахъ и городахъ исмаилитовъ». [Срв. تذكرة الشعراءъ въ изданіи Броуна, стр. 195, гдѣ приводится, но съ выраженіемъ сомнѣнія, извѣстіе, будто бы Шемсъ былъ сыномъ исмаилитскаго главы Джелала-уд-Діна (отца 'Ала-уд-Діна), перешедшаго въ православіе. Объ этомъ эпизодѣ исмаилизма (1210—1221) ср. между прочимъ d'Ohsson, Histoire des Mongols, III, 173 и сл. Сынъ Джелала-уд-Діна 'Ала-уд-Динъ, какъ извѣстно, снова вернулся къ религіи своихъ предковъ. Довлет-Шахъ ссылается на سلسلة الذهبъ Джамии, гдѣ это извѣстіе о Шемсѣ отрицалось. Ср. также مجالس المومنينъ л. 143⁶].

2) Т. е. какъ Моисей не могъ сравниться съ Хызромъ, такъ и ты со мною, ибо слыхомъ велика между нами разница. Намекъ на сдѣлющее обстоятельство, — хорошо извѣстное изъ [Корана—XVIII, 59—81 п] агиографической мусульманской литературы, въ жизни пророка Моисея. По просьбѣ евреевъ послѣдній однажды попросилъ Господа сказать ему, есть-ли еще кто-либо такой ученый мужъ, какъ онъ. Богъ ему указалъ «на одного изъ рабовъ своихъ» — Хызра, который гораздо болѣе ученъ и свѣдущъ, чѣмъ Моисей. По указанію Божьему Моисей съ своимъ ученикомъ Иисусомъ Навиномъ (يوشع) отправился разыскивать Хызра, желая поучиться у него. Въ числѣ путевыхъ съѣстныхъ запасовъ они взяли съ собою жареныхъ рыбъ. Дойдя до одного ручья, протекавшаго въ долинѣ, заключенной между горами, пророкъ со своими ученикомъ совершили здѣсь намазъ и отправились дальше. Пройдя нѣкоторое разстояніе, рѣшили закусить, но тутъ обнаружилось, что Иисусъ Навинъ забылъ съѣстное у ручья. Они оба рѣшили тогда вернуться назадъ и, дойдя до ручья, увидѣли Хызра, совершавшаго намазъ. По окончаніи его и послѣ обмѣна взаимными привѣтствіями, между Хызромъ и пророкомъ произошелъ разговоръ, въ которомъ Моисей выражалъ желаніе учиться у Хызра, а тотъ отказывался, ссылаясь на величіе Моисея, какъ пророка и собесѣдника самого Бога, который ниспослалъ ему Тору (توره). Когда Моисей сослался на приказаніе Божіе, тогда Хызръ повинился и спросилъ, гдѣ ихъ съѣстное. Они отвѣтили, что забыли у ручья. Хызръ попросилъ ихъ, чтобы они взяли это съѣстное. Пророкъ и его ученикъ нашли лишь хлѣбъ, а жаренныя рыбы исчезли. Хызръ ихъ оживилъ и онѣ рѣшились въ ручѣ. Пророкъ сталъ просить Хызра снова сдѣлать ихъ жареными. Тотъ исполнилъ эту просьбу, и Моисей съ Иисусомъ Навиномъ закусили этими рыбами. Отпустивъ затѣмъ Иисуса обратно къ сынамъ Израилевымъ, Моисей съ Хызромъ отправились къ берегу моря, гдѣ сѣли на судно. Когда послѣднее было среди моря, Хызръ пробилъ въ суднѣ отверстіе къ великому изумленію

латъ тебѣ, человѣка чуждаго мнѣ міросозерцанія, прозелитомъ исповѣдуемаго мною ученія».

Вернувшись въ Махаллять къ имаму Муставсыр-и-Ифѣ, Шемс-и-Тебрійзі оставался тамъ въ теченіе нѣкотораго времени. Однажды, играя съ имамомъ въ шахматы, онъ получилъ отъ Муставсыр-и-Ифѣ неожиданное предложеніе отправиться въ Конію и всячески постараться обращенію въ исмаилизмъ Джелѣл-уд-Діна, освободивъ его отъ тьмы религіозно-философскаго воззрѣнія (аз зулмат-і-дін-і-фајласуфіја). Покорный, какъ и каждый худжетъ, волѣ имамы, Шемс-и-Тебрійзі направился въ Конію. Едва Джелѣл-уд-Дінь узналъ о его приходѣ, какъ отправился къ нему и опять повторилъ свою просьбу посвятить его въ тайны исмаилизма; при этомъ показалъ Шемс'у тетрадь написанныхъ имъ двустпшіи (маснаві). Шемс-и-Тебрійзі, перелиставъ рукопись и посмотрѣвъ написанное, бросилъ ее, не говоря ни слова, въ бассейнъ съ водою, передъ которымъ они оба сидѣли. Удивленный и вмѣстѣ съ тѣмъ страшно разсерженный Джелѣл-уд-Дінь воскликнулъ:

— Чтѣ ты сдѣлалъ? Я отказываюсь признать тебя за достойнаго человѣка, такъ какъ ты своимъ настоящимъ поступкомъ оскорбилъ мои лучшія чувства и унизилъ меня до глубины моей души!

Услышавъ эти слова и видя чрезвычайное раздраженіе Джелѣл-уд-Діна, Шемсъ опустилъ руку въ бассейнъ и вытащилъ рукопись, которая оказалась въ такой цѣлости, что все написанное можно было также хорошо

не сказали ни слова Моисею, почему онъ это сдѣлалъ. Въ ближайшемъ селеніи, куда они пришли и гдѣ многія стѣны построекъ были разрушены, Моисея поразило то обстоятельство, что Хызръ, сбросивъ съ себя платье, сталъ заново дѣлать одну изъ стѣнъ, опять не объясняя причины этого Моисею. Когда пришло время имъ разстаться и Моисей сталъ просить объяснить ему значеніе трехъ совершенныхъ Хызромъ поступковъ, на взглядъ пророка явно бессмысленныхъ, Хызръ разъяснилъ слѣдующее. Судно, въ которомъ они ѣхали, принадлежало бѣднякамъ и люди ѣхали на немъ изъ одного города въ другой, гдѣ владѣтелемъ былъ тиранъ и деспотъ, который каждое крѣпкое и хорошее судно забиралъ себѣ. Испорченное же судно этотъ жадный тиранъ не возьметъ. Родители убитаго Хызромъ мальчика были благочестивые мусульмане, а онъ таилъ въ себѣ природу неврія и когда бы выросъ большой, то сталъ бы убитою. Въ деревнѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ Хызръ работалъ надъ стѣною, были зарыты сокровище, принадлежащее сиротамъ, и близко былъ тотъ моментъ, когда оно могло быть открыто постороннимъ. Поэтому сооруженная надъ нимъ стѣна упрочила сокровенность этого сокровища и сохранила на него право сиротъ до положеннаго времени. Послѣ того Моисей былъ съ Хызромъ въ теченіе восемнадцати дней и каждый день изучалъ съ Хызромъ по десяти вопросовъ. (По принадлежащему мнѣ списку *قصص الانبياء* неизвѣстнаго автора (первый листъ отсутствуетъ), на персидскомъ языкѣ, писанному прекраснымъ наста'ликомъ въ городѣ Андходъ (اندخود) 7-го *الحجه* 979 года = 21 апр. 1572 г. по Р. Х.; листы 149—151). Параллельно этому разсказу въ православной церкви служить извѣстное повѣствованіе, столь часто встрѣчающееся въ старинныхъ прологахъ и святоотеческихъ писаніяхъ, объ одномъ преподобномъ и сопровождавшемъ его ангелѣ. (См. стр. 12—16 «Приложеній» къ «Критич. разбору Мухаммед. ученія о пророкахъ», Н. П. Остроумова. Казань, 1874).

читать, какъ будто бумага и не была въ водѣ. Пораженный этимъ чудомъ Желал-уд-Динъ спросилъ Шемс-и-Тебризіи, чѣмъ все это значить?

— Ты, конечно, знаешь, что такое кожа плода вообще: если очистить отъ нея плодъ, то онъ будетъ столь же съѣдобенъ, какъ и безъ нея. И написанное тобою столь же имѣетъ значенія для человѣчества, какъ будетъ ли оно сохранено въ цѣлости, или будетъ уничтожено, сказалъ на это Шемсъ. И, взявъ листъ бумаги и тростникъ, написалъ слѣдующее двустихіе¹⁾:

بشنو از نی چون حکایت میکند
وز جداییها شکایت میکند

Это двустихіе и положилъ началомъ своихъ «Месневи» Желал-уд-Динъ²⁾, не тѣхъ, которыя онъ показывалъ Шемс-и-Тебризіи и которыя онъ потомъ уничтожилъ, а другихъ, кои сохранились до сего времени и истинный смыслъ которыхъ относится до исмаилитскаго вѣроученія.

هیچ کس از پیش خود چیزی نشد
هیچ آهن خنجرى نیزى نشد
هیچ مصلایى نشد مولای روم
تا غلام شمس تبریزی نشد

А. Семеновъ.

1) Такъ именно было имъ сказано передававшимъ все это и такъ имъ записано (вмѣсто болѣе обычнаго میکند شکایت از جداییها میکند * از جداییها میکند). Самый смыслъ его исмаилитами понимается такъ, какъ написано, безъ какихъ-либо особыхъ толкованій, т. е. «послушай тростниковое перо, когда оно разсказываетъ, жилуясь на многія несогласія!». Суфійскій же смыслъ этого двустихія совѣтъмъ другой; онъ, между прочимъ, особенно подробно разъясняется въ обширныхъ турецкихъ комментаріяхъ на двустихія Желал-уд-Динъ-Руми, называемыхъ فاتح الابيات, составлен. въ 1035/1625—1626 г. (въ шести большихъ томахъ) шейхомъ Исмаил-ул-Анкиравий-ул-Мевлеи (см. т. I-й стр. 13 египетскаго изданія этого труда, прекрасно отвѣчанаго въ началѣ прошлаго столѣтія въ типографіи египетскаго хедива Мехмедъ-Али-паши). По ироніи случая комментаторъ въ подкрѣпленіе своихъ объясненій этого двустихія приводитъ большую выдержку изъ арабскаго сочиненія врага отца Желал-уд-Дина, имама Фахр-уд-Дина, التفسیر الكبير, на тему, что слушаніе (по поводу بشنو) гораздо выше, чѣмъ зрѣніе, и что оно есть условіе пророчества и т. п.

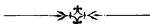
2) Собственно въ «Двустихіяхъ» Желал-уд-Дина началомъ служить арабское стихотворное предисловіе, за которымъ начинаются этими стихами персидскіе.

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

Основаны барономъ **В. Р. Розеномъ.**

—
ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ.
1913 — 1914.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ДВУХЪ ТАБЛИЦЪ И СЪ ДВУМИ РИСУНКАМИ ВЪ ТЕКСТѢ).

ПЕТРОГРАДЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.
Вос. Остр., 9 лин., № 12.
1915.

Разсказъ шугнанскихъ исмаилитовъ о бухарскомъ шейхѣ Бех̄-уд-Дин̄¹⁾.

Среди многочисленныхъ святыхъ «Священной Бухары» первое мѣсто занимаетъ ея патронъ — «ямамъ тарйката, пяръ хакйката п образецъ достойный подражанія въ знаніи шарі'ата»²⁾, Ходжа-Мухаммед-ул-Бох̄рїи, шейхъ Бех̄-уд-Дин̄-Шах-и-Накшбендъ. Его гробница въ окрестностяхъ столицы ханства привлекаетъ огромное множество пилигримовъ не только со всѣхъ концовъ Бухары, но и изъ областей нашихъ средне-азиатскихъ владѣній, Афганистана и даже изъ отдаленной Турціи.

Шейхъ родился въ мухарремѣ 718 г. хиджры (въ 1318 г. по Р. Х.) въ селеніи Қаср-и-'Ариф̄анъ (въ одномъ фарсангѣ отъ г. Бухары). Проведя дѣтство и юность въ общеніи съ знаменитыми шейхами своего времени: ходжею Баб̄а-Семасіемъ и сейидомъ Мйр-Куллемъ, а равно подъ влияніемъ своего дѣда, большого друга дервишей, — Бех̄-уд-Дин̄ съ дѣтства глубоко усвоилъ тѣ мистически-религіозныя исканія, которыя впоследствии привели его на путь высокихъ подвиговъ созерцательной жизни.

Бех̄-уд-Дин̄ женился на семнадцатомъ году своей жизни. Онъ вмѣстѣ съ отцомъ ткалъ роскошную шелковую цвѣтную ткань «камх̄»³⁾ и рѣзалъ по металлу разные узоры⁴⁾. Затѣмъ исполнялъ обязанности палача при дворѣ

1) Статья проредактирована для печати В. В. Бартольдъ, которому принадлежатъ заключенныя въ квадратныя скобки [] примѣчанія.

2) Такъ онъ названъ въ خزينة الاصفیاء («Сокровищница Чистѣйшихъ»), сост. муфтий Гулямъ-Мухаммедъ-бекъ-Муфтий Рахїм-Улла Лагорскій. — Каунпуръ. 1312/1894. Т. I, стр. 548. Въ имѣющейся у меня старинной рукописи (безъ даты) تاریخ سید راقم (или تاریخ نام) приводится (л. 36) генеалогія Бех̄-уд-Дина, по которой онъ считается потомкомъ имама Хусейна въ 23-мъ поколѣніи. [Биографія шейха въ рукоп. Учебн. Отд. Вост. яз. л. 27а, ср. Collections scientifiques etc., III, 119; въ рукоп. Петрогр. Унив. № 949 л. 216, гдѣ нѣтъ свѣдѣній о генеалогіи. В. В.]

3) Камх̄ или كمشاب (по-бухарски камх̄, по-ташкентски кимх̄) — то же, что китайское «камфай» — плотная и довольно толстая шелковая ткань съ цвѣтными узорами, нерѣдко протканными золотыми или серебряными витями; изъ нея шились самыя богатая одежда. Нынѣ известна въ Средней Азїи почти лишь по воспоминаніямъ да по цвѣтѣвшимъ образчикамъ, ибо уже нѣсколько десятковъ лѣтъ, какъ она никѣмъ не выдѣлывается.

4) Отсюда и прозвище шейха نقشبند.

одного из средне-азиатских владѣтелей, султана Халиля¹⁾. После трагическаго конца послѣдняго шейхъ всецѣло ушелъ въ созерцательную жизнь подвижника; охваченный мистическимъ настроеніемъ, онъ нерѣдко бывалъ «восхищенъ», и разныя чудесныя видѣнія проносились предъ его духовными очами. Подъ вліяніемъ этихъ мистическихъ переживаній онъ научается отъ своего мира, сейида Міръ-Куліля, «тайному зыкру» и съ тѣхъ поръ достигаетъ моментовъ соединенія съ Божествомъ не путемъ видимаго экзальтированія себя въ родѣ громогласнаго и многократнаго произнесенія стиховъ Корана въ связи съ ритмическими тѣлодвиженіями, а посредствомъ самоуглубленія и безмолвнаго размышленія о присутствіи Бога въ себѣ. Отсюда послѣдователи шейха получили въ Средней Азіи названіе «хуфия» (خوفیه), т. е. погружающихся въ экстазъ путемъ тайнаго, молча произносимаго, призыванія Бога²⁾.

Не мало путешествовалъ на своемъ вѣку, Бехā-уд-Діпъ посѣтилъ и священные города Аравіи, и большинство знаменитыхъ тогда городовъ мусульманскаго Востока, причемъ вездѣ старался повидать знаменитыхъ мѣстныхъ суфиевъ и отъ нихъ усовершенствоваться въ стадіяхъ духовной жизни.

Спасая свою душу въ міру, Бехā-уд-Діпъ свято соблюдалъ заветы нестяжанія и полнаго «опрощенія». У него не было ни дома, ни земельной собственности; въ его жилищѣ, которое онъ занималъ, зимою вмѣсто постели служили сухіе листья, а лѣтомъ — старая циновка; изъ посуды у него былъ лишь разбитый глиняный кувшинъ. Не было у него ни слугъ, ни невольниковъ, и когда его спросили относительно отсутствія ихъ, то шейхъ отвѣтилъ: «рабство не совмѣстимо со старчествомъ» (بندگی با خواجگی راست نمی آید).

Удостоившись, по преданію, еще при жизни дара чудесъ и снискавъ огромную популярность среди населенія Мавераннахра, Бехā-уд-Діпъ, почувствовавъ приближеніе смертнаго часа, отправился въ одинъ изъ бухарскихъ каравансараевъ и, занявъ тамъ одну изъ комнатъ, скончался, окруженный своими многочленными учениками, въ понедѣльникъ 3-го раб' I 791 г. хиджры (1 марта 1389 г. по Р. X.).

Такова «правовѣрная» и, такъ сказать, обычная біографія знаменитаго бухарскаго святого³⁾. Иначе онъ и его почитатели-бухарцы рисуются въ

1) [Халиль до своего возвышенія былъ дервишемъ; Бехā-уд-Діпъ, по словамъ его біографовъ, былъ близокъ къ нему въ теченіе шести лѣтъ его дервишества и шести лѣтъ его царствованія. В. Б.].

2) [Ср. слова «Кавдіе» ذکر دل въ противоположность ذکر بندند, текстъ у В. Бартольда, Туркестант, I, 50 сл. В. Б.].

3) [Болѣе подробно, чѣмъ въ настоящей статьѣ, біографія изложена въ другой статьѣ А. А. Семенова, напечатанной въ сборникѣ, посвященномъ А. Н. Веселовскому, стр. 202—211. Тамъ же приведены свѣдѣнія объ источникахъ. Кроме упомянутаго тамъ ابنی العابدینъ Саахъ-ибн-Мубārка ал-Бухārй первоисточникомъ для біографіи шейха

представленіях шугнанских исмаилитовъ, заклятыхъ враговъ суннизма и его фанатичныхъ исповѣдниковъ — бухарскихъ суннитовъ. Ниже приводимое исмаилитское преданіе о Бехā-уд-Дѣнѣ рассказано мнѣ и затѣмъ записано поперсидски однимъ грамотнымъ исмаилитомъ изъ выселка Юмчъ (отъ кншлака Поршняивъ) на рѣкѣ Пянджѣ, въ Шугнанѣ; оно осмѣиваетъ распространенную въ Бухарѣ склонность къ гомосексуализму, у исмаилитовъ строжайше воспрещенному.

Бехā-уд-Дѣнъ былъ однимъ изъ святыхъ мистиковъ (از اولیاء صاحب کشف) Благородной Бухары, такъ что чудеса его записаны во многихъ мѣстахъ, ибо былъ онъ «Предотвратителемъ несчастій» (1) (بلا گردان).

Однажды ему пришла мысль отправиться въ хаджъ и, поклонившись тамъ чистѣйшей гробницѣ его святѣйшества послѣдняго изъ Пророковъ, т. е. Мухаммеда, Посла Господня, возвратиться назадъ. Вслѣдствіе этого, собравъ бухарскій народъ, Бехā-уд-Дѣнъ сказалъ слѣдующее:

— Явилось въ сердцѣ у меня желаніе поцѣловать пороги усыпальницы Радости Пророковъ. Разрѣшите мнѣ исполнить это, дабы я отправился по влеченію своего сердца. Если буду живъ — я вернусь назадъ.

— О, Предотвращающій несчастья, сказали бухарцы, — необходимо, чтобы ты назначалъ намъ руководителя (عصا کشی), то есть поставилъ бы на это время замѣстителя себѣ.

Исполняя эту просьбу, Бехā-уд-Дѣнъ назначилъ своимъ замѣстителемъ своего сына, а самъ отправился въ хаджъ. Сынъ шейха былъ необычайно красивъ и изыщенъ; вслѣдствіе этого народъ Бухары, по наущенію діавола (да будетъ онъ проклят!) захотѣлъ сдѣлать этого молодого человѣка предметомъ своей нечистой страсти (میخواستند بهر آئی آن بسر کار فحش کنند). И вотъ въ одинъ изъ дней нѣкоторые изъ «братьевъ діаволовъ» (اخوان شیاطین) собрались къ сыну Бехā-уд-Дѣна и спросили:

является также انبیس الطالین Мухаммеда Парси (рукоп. Петрогр. унив. № 386). Въ Джаміи біографія шейха занимаетъ стр. 247—250 констант. изд. В. Б.].

1) بلا گردان по исмаилитскимъ объясненіямъ (въ разговорѣ со мною у нихъ иногда встрѣчалось это слово) означать святого, угоднога Богу человѣка, который и послѣ смерти протѣкаетъ свое покровительство на тѣхъ, кто его считаетъ своимъ патрономъ и кто призываетъ его въ несчастія. При этомъ исмаилиты похваляли мнѣ, что, собственно, вѣрованіе въ такихъ святыхъ существуетъ не у нихъ, а у прочихъ мусульманъ, — однако мнѣ въ Средней Азій среди господствующаго населенія не приходилось слышать это выраженіе. [Ср. въ Джаміи біографія шейха, констант. изд., стр. 247 рассказъ о видѣніи шейха, гдѣ упоминается о дарѣ, полученномъ имъ отъ своего учителя Бабъ-Самѣей: اند کرامت کرده اند. که بلائی نازل شده از برکت تو دفع شود.

2) بی همراهی.

— Чтѣ ты дѣлаешь?

— Я заступаю мѣсто моего великаго отца, отвѣчалъ онъ.

— Скажи, пожалуйста, продолжали пришедшіе, ты знаешь какой либо стихъ изъ Корана относительно (вѣчнаго) спасенія (در باب رستگاری) или нѣтъ?

— Какъ же, знаю.

— Чтѣ же это за стихъ? — продолжали допытываться бухарцы.

— «Совершайте молитвы (и) дайте очистительную съ имущества мялостьюшю»¹⁾, отвѣчалъ сынъ шейха.

— Вѣрно, отвѣчали бухарцы, и твой великій отецъ этотъ стихъ неоднократно произносилъ своимъ сладкорѣчивымъ языкомъ (بر زبانِ شکریشان). Но, какъ извѣстно, зекъât бываетъ двухъ родовъ: имуществоственный и тѣлесный и если ты не заплатишь зекъât тѣлесный, то тебѣ нельзя получить съ насъ зекъât имуществовный.

1) Кор. LXXIII, 20: *وَاقِيمُوا الصَّلَاةَ وَآتُوا الزَّكَاةَ*. Къ сему слѣдуетъ замѣтить, что зекъât у самихъ намирскихъ исмаилитовъ составляетъ необходимое условіе ихъ религіознаго уклада жизни, причемъ, однако, значеніе его приурочено къ специально исмаилитскимъ воззрѣніямъ. Въ популярной книгѣ, сочиненіе которой приписывается Насыр-и-Хосрову, *وجہ روی دین* или *دین دین* (т. е. «Лицо Вѣры», въ смыслѣ лицевой, обрядовой стороны религіи), зекъât посвящены главы (کفتار) 28, 29, 30, 31 и 32; самое понятіе зекъât въ нихъ опредѣляется такъ (цитирую по принадлежащей мнѣ полной рукописи, писанной наста'ликомъ типа «моллаі» въ 1284 году хиджры рукою Мубрака Шѣ изъ кишлака Поршинивъ въ Шуганъ): *کویم بتوفیق خدای تعالی اندر دادن زکوة پاکیزه شدن مؤمن است و زیادت است مر نفس مؤمن را بدان از بهر آنکه پاکیزهئی نفس او اندر پاکیزهئی جسم است و پاکیزهئی جسم اندر پاکیزهئی غذاست از حلال و حلال کردن مال اندر بیرون کردن حق خداست* т. е. «Я говорю съ помощью Всевышняго Бога, что дать зекъât (значить) очиститься правовѣрному и тѣмъ увеличить его духовное богатство (буки.—душу правовѣрнаго), потому что чистота его души—въ чистотѣ его тѣла, а чистота тѣла—въ чистотѣ дозволенной пищи; дозволеніе же имущества (къ обращенію) обуславливается отчисленіемъ изъ него части (въ пользу) Господа Бога» (л. 91, гл. 28). А вышеназванный стихъ Корана *روی دین* (таже гл., л. 91⁶) объясняется такъ: *همی گوید [خدای تعالی] نماز را بجای دارید و زکوة بدهید* и *و بنماز همی طاعت ناطق فرماید از بهر آنکه طاعت ناطق طاعت خداست و بی طاعت و بنماز همی طاعت ناطق نیست* т. е. «говоритъ (Всевышній Богъ): «стойте на молитвѣ и дайте зекъât». Предисывалъ молитву, Онъ приказываетъ повиноваться и атику, ибо повиновеніе итику есть повиновеніе Богу, безъ повиновенія же итику нѣтъ покорности (вообще), а онъ,— да будетъ ему миръ!—есть конечная цѣль людей».

Символически же зекъât означаетъ ас'са съ его истолкованіемъ (تاویل) словъ итика, очищающимъ душу отъ сомнѣній и колебаній. И приказаніе Корана «молитесь и дайте зекъât» необходимо къ исполненію для исмаилитовъ, чтобы быть твердыми во вѣншей доктринѣ итика и въ внутреннемъ ея смыслѣ чрезъ истолкованіе послѣдняго ас'сомъ, и т. п. разсужденія (листы: 91⁶, 92⁶ и 93).

Исхода изъ строго внушенной религіей необходимости давать зекъât, исмаилиты, не смотря на ихъ бѣдность, аккуратно выплачиваютъ его чрезъ своихъ пировъ Ага-Хану нъ раздѣлѣ 1/10 части своего годового дохода, а пиры получаютъ «доброхотныя пожертвованія» въ зависимости отъ благосостоянія самаго или мнуріа. Это называется *һақъ-и-пир*.

Послѣ продолжительнаго спора относительно безстыднаго и гнуснаго дѣла, бухарцы въ концѣ концовъ всё совершили съ сыномъ Бехā-уд-Дйна . . . и цвѣтъ лица его, благодаря сему, сталъ другимъ.

Наконецъ настало время возвращенія шейха Бехā-уд-Дйна изъ Меккы, и когда онъ прибылъ въ Бухару, то нашель у своего сына весьма позмѣнившійся цвѣтъ лица. Онъ спросилъ его о причинѣ сего. Юноша послѣдовательно разсказалъ отцу все случившееся съ нимъ; послѣдній, опечаленный его разсказомъ, воззвалъ къ Богу, говоря: *خدایا اهل فتنه را از زیر دیوارش بردار کن* «Боже, разрушь у нечестивцевъ нязъ ихъ стѣнъ»¹⁾.

И теперь всюду, гдѣ есть люди этой (бухарской) вѣры, до дня Страшнаго Суда виденъ знакъ молитвы шейха на стѣнахъ ихъ жилищъ²⁾, какъ воспоминаніе того порядка, который шейхъ Бехā-уд-Динъ положилъ памѣть бухарцамъ до дня Второго Пришествія.

Послѣ сего случая шейхъ возымѣлъ слѣдующее намѣреніе (*تدبیری* *بر انداختن*). Онъ взялъ осла и сталъ его дрессировать такимъ образомъ: ежедневно выводилъ его изъ своего жилища къ подножію одного дерева и тайно отъ людей давалъ ему тамъ солому и ячмень. И когда осель привыкъ получать ежедневно въ опредѣленное время полагающуюся ему порцію корму только подъ этимъ деревомъ, то если онъ не находилъ себѣ здѣсь пищу, тоналъ ногой о землю и издавалъ ревъ, пока ему не давали солому и ячмень; жуя ихъ, онъ успокаивался. Послѣ сего шейхъ за городомъ Бухарою, гдѣ нынѣ находится его гробница, вырылъ подъ землею ходъ длиною въ нѣсколько фарсанговъ и затѣмъ написалъ книгу, имѣющую тотъ смыслъ, что всякій человѣкъ — рабъ Господа и потому необходимо ему въ молодости нѣсколько разъ уплатить достойному человѣку (*به مستحق*) зекātъ собственнымъ тѣломъ, дабы получить спасеніе въ этой и будущей жизни. За нѣсколько дней до нижеописаннаго событія шейхъ отправилъ своего сына въ благословенную Джедду подъ предлогомъ хаджа, а когда приготвленія шейха къ исполненію его замысла были закончены, онъ взялъ

1) Слово *ویران* въ таджикскомъ языкѣ означаетъ *разрушеніе вообще*, а также *помясу*; отсюда глаголь *ویران کردن* (*ваірѣн кардан*) означаетъ: *разрушить, испортить, помясть*, въ послѣднемъ значеніи, напр., въ фразѣ: *вај бмад-ӯ-гала ваірѣн кард*, т. е. *онъ пришелъ и помялъ разговоръ*.

2) Всюду въ Средней Азій заборы вокругъ усадебъ, да и самыя жилища, обычно возводятся не изъ сырцовыхъ (или обожженныхъ) кирпичей, а изъ сырого гесса болѣе или менѣе хорошо убитаго, и, притомъ, безъ всякаго фундамента, прямо на землѣ. Подъ вліяніемъ надземной влаги (отъ дождей или снѣгу) такія стѣны снизу сырѣютъ и наружный слой ихъ отваливается, благодаря чему онѣ производять всюду такое впечатлѣніе, будто снизу ихъ кто то нарочно подкопалъ. При отсутствіи въ такихъ случаяхъ ремонта весьма нерѣдко послѣ сильнаго дождя стѣны обваливаются и давятъ людей и скотъ.

написанную имъ книгу, зарылъ ее подъ тѣмъ деревомъ, гдѣ обычно кормилъ своего осла, и, собравъ бухарскій народъ, сказалъ:

— «Вотъ настало время отправляться мнѣ въ послѣднее путешествіе, т. е. умирать. Когда я уѣзжалъ въ хаджъ, я оставилъ вамъ своего сына моимъ замѣстителемъ, но теперь и онъ уѣхалъ въ хаджъ и Богъ знаетъ — вернется (назадъ) или нѣтъ. Мнѣ обѣщали во снѣ Пророкъ Господень, что мое тѣло (تَابُوتِ مرًا) возьмутъ на небо. А такъ какъ вы являетесь моими вѣрными послѣдователями (مريدِ صادق) то я вамъ покажу «небесную книгу»; и все, что въ ней написано, все — истина, поэтому вы поступайте согласно изложенному въ ней и чрезъ то спасетесь».

Бухарцы, услышавъ это и чрезвычайно любя шейха, заплакали и стали просить показать имъ небесную книгу. Бехā-уд-Динъ отвѣтилъ имъ на это:

— Не смущайте теперь мой духъ, но пусть каждый идетъ въ свой домъ, а завтра утромъ приходите и выведите моего осла изъ его помѣщенія и тамъ, гдѣ оселъ остановится, топнетъ ногою и зареветъ, вы копайте на томъ мѣстѣ и навѣрняка найдете тамъ книгу.

Народъ послушался этого совѣта и разошелся по домамъ. А когда настала ночь, шейхъ вошелъ въ вырытый имъ подземный ходъ и, съ намѣреніемъ отправиться въ Джедду (вслѣдъ за сыномъ), вышелъ изъ него съ другого конца.

Когда кончилась ночь, народъ, послушный наставленіямъ своего учителя, вывелъ его осла; послѣдній, не ѣвши цѣлую ночь и потому голодный, побѣжалъ по привычкѣ къ тому дереву (гдѣ всегда получалъ кормъ), но, не найдя тамъ ни соломы, ни ячменя, топнулъ о землю ногою и заревѣлъ. Бухарцы сейчасъ же стали копать на этомъ мѣстѣ (землю) и нашли (обѣщанную имъ шейхомъ) книгу; они стали ее читать и поступать согласно написанному въ ней. И въ настоящее время этотъ обычай среди суннитовъ существуетъ, благодаря установленію шейха Бехā-уд-Дина, а по выше-названнымъ основаніямъ¹⁾, до сего времени всякій отправляющійся на поклоненіе къ нему ѣдетъ непремѣнно на ослѣ.

А. Семеновъ.

1) Т. е. вслѣдствіе роли осла въ нахожденіи «небесной книги».